



# Фридрих Евсеевич Незнанский

## Африканский след

### Серия «Возвращение Турецкого»

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=169298](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169298)*

*Африканский след: АСТ, ООО «Агентство „КРПА Олимп“; Москва;  
2008*

*ISBN 978-5-7390-2191-5*

### **Аннотация**

После взрыва в детдоме, во время которого погибли террористка-смертница и глава ЧОПа «Глория» Денис Грязнов, осиротела и команда Турецкого: Александр Борисович, предотвративший вместе с Денисом гибель детей, получил тяжелую контузию и находится в глубокой коме, вернуть его из которой доктора не обещают... Следствие по делу о взрыве возглавляет заместитель Генпрокурора России Константин Дмитриевич Меркулов. Вот только «Глория» Генпрокуратуре не помощница: поклявшись над гробом Дениса отомстить убийцам, его товарищи ведут собственное расследование.

# Содержание

ПРОЛОГ	4
1	17
2	28
3	49
4	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

# Фридрих Незнанский

## Африканский след

*В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.*

### ПРОЛОГ

Ночь выдалась безлунная. Поэтому мужская фигура, затянутая в черный спортивный костюм, медленно карабкавшаяся по темной кирпичной стене четырехэтажного особняка, со стороны была почти незаметна. На это он и рассчитывал, отправляясь сюда в самый глухой час суток, когда даже бессонный мегаполис забывается ненадолго в ненадежной дреме.

На мгновение мужчина замер, крепко вцепившись обеими руками в оконный карниз над своей головой, проверяя прочность едва заметного выступа под ногами. Выступ показался ему надежным. Стараясь не обращать внимания на предательскую дрожь в коленях, бывший спецназовец, не

желавший верить в то, что за последние годы он потерял даже малую часть прежних навыков, осторожно разжал пальцы правой руки, медленно согнул ее в локте и коснулся небольшой, но тяжелой фигурки, висевшей у него на груди под футболкой. Этот амулет он носил уже добрых двадцать лет. Возможно, и впрямь благодаря ему он когда-то вырвался в конце концов из того ада, вырваться из которого уже никто из них не чаял...

Антон Плетнев перевел дыхание и внимательно оглядел тянущуюся в полутора метрах от него водосточную трубу, прикидывая, выдержит ли она его вес.

По идее, должна выдержать: водосток поменяли совсем недавно, в прошлый раз он проходил чуть левее и даже на вид был тухлявым, проржавевшим насквозь. Сейчас, несмотря на плотную тьму, округлые змеиные бока трубы отливали тусклым серебром.

Плетнев поднял голову, прикидывая, не ошибся ли, высчитывая нужное ему окно. Похоже, не ошибся, хотя все окна детских спален и с земли, и отсюда выглядели одинаково: темные, чуть приоткрытые, с узенькими белыми шторами. Но в этаже он по-прежнему уверен не был: третий? четвертый?.. Проклятая память... «Ладно, мужик, – мысленно приказал он сам себе, – будь что будет! Вперед!..»

Бросок был стремительным, профессиональным, абсолютно точным. Труба выдержала. Острая боль обожгла ладони, но боль его не волновала. На краткое, почти неулови-

мое мгновение он замер, чтобы потом с акробатической ловкостью скользнуть вверх, преодолевая оставшиеся до цели метры, и совершить еще один бросок – в сторону обитого жестью подоконника.

Ставшее вдруг на удивление послушным тело взлетело одновременно вперед и вверх, на секунду зависнув в воздухе. Но руки Антона уже вцепились в подоконник, он легко подтянулся и перевалился через него внутрь, тяжело упав на жесткий дощатый пол... И не сразу понял, что одновременно с его падением что-то вокруг него взвыло – по-звериному страшно, до боли знакомо... Он понял, что это сирена, только когда вокруг него вспыхнул показавшийся слепящим свет, а на спину обрушился удар, вынудивший Плетнева распластаться на полу.

– Ах ты, с-сука! К мальчикам, значит, полез, извращенец хренов?!

Следующий удар должен был обрушиться на голову, второй раз охранники не промахнутся, и тело Плетнева, удивительно памятьливое, вновь сработало само, сгруппировавшись и почти молниеносно откатившись в сторону..

– Стой, гад!.. Колян, звони ментам, я с ним сам разберусь!..

– Заткнись! – Плетнев тоже рывкнул и тут же, вскочив на ноги, совсем другим голосом, гораздо тише, добавил: – Детей не пугай, идиот... Никуда я не денусь.

Испуганные детские лица только сейчас попали в поле его

зрения: Антон понял, что приземлился точнехонько между двумя рядами кроватей, на которых спали мальчишки, и теперь с каждой из них на него взирали огромные, полные не столько страха, сколько любопытства, детские глаза... Васьки среди них не было: он опять ошибся то ли окном, то ли этажом... Ребята здесь были совсем малыши, гораздо младше Васьки. Значит, скорее всего, этажом.

Он легко увернулся от бросившегося на него вновь охранника и тут же попал в железные объятия другого здорового детины в камуфляже, со злобной заспанной рожей. Через несколько секунд бывший спецназовец Антон Плетнев лежал на полу со скрученными за спиной руками, на которых эти двое защелкнули наручники, осыпая его при этом матерной бранью. Присутствие вовсю слушавших их малышей, уже успевших повыскакивать из своих кроваток, после того как незваного ночного гостя скрутили, двоих стражей порядка не смущало...

«Сволочи... суки...» – Плетнев прошипел это едва слышно, но тот, которого звали Колян, видать, отличался тонким слухом, и его пудовый кулак немедленно обрушился на затылок Антона. В глазах на мгновение потемнело, и в тупом бессилии он уже сам выматерился вслух, позабыв об этих мальчишках, с явным восторгом наблюдавших теперь этот ночной спектакль, нарушивший однообразие их существования.

«Попались бы вы мне, гады, тогда... там... Да хотя бы

лет пять назад!.. – вот о чем думал он, пока лапы Коляна, вцепившиеся Плетневу в плечо, грубо, бесцеремонно и зло, словно он был не живым мужиком, а неодушевленной куклой, волокли его по полу прочь из детской спальни. – Нет, не пять, год... год назад... Да знали бы вы, сволочи, что бы я с вами сделал!..»

О том, что и от Коляна, и от его дружка он отбился бы и сейчас, может, и не с той ловкостью, о какой теперь только мечталось, но отбился, если бы... Нет, об этом думать сейчас было нельзя. Но все равно перед Антоном в бессчетный раз за последние годы мелькнуло возникшее словно ниоткуда, мертвое, навеки искаженное маской боли лицо Инны... И вслед за тем – их крошечная, когда-то светлая и уютная, а теперь превратившаяся в грязную нору квартирка, потемневшие, засаленные стены, не далее как нынешним – или теперь уже вчерашним – утром ставшие свидетелями очередного тяжкого плетневского похмелья...

И вновь лицо Инны: на этот раз живое, смеющееся, сверкающие сапфировым огнем глаза, опущенные темными ресницами, золотистые локоны, рассыпавшиеся по плечам...

Боль, родившаяся от этих не отпускавших его, кажется, ни на минуту воспоминаний, как всегда, была столь непереносимо сильной, что другой боли – от продолжавших сыпаться на него ударов отмороженного охранника Коляна – он почти не чувствовал, просто фиксируя их сознанием, как будто вот так унизительно, жестоко и с наслаждением били не его, а

кого-то постороннего, кому Плетнев помочь был не в силах.

Да так оно и происходило на самом деле, ибо помочь себе он и впрямь уже не мог, не мог даже просто пожалеть, как жалеют, например, выброшенную на улицу после смерти хозяина собаку. Он в этом смысле давно уже ничего не чувствовал. Даже в те случавшиеся все чаще дни, когда выныривал очередной раз из отвратительного ему самому запоя в тяжелое серое похмелье и долго лежал на скомканной, провонявшей потом постели, глядя в потрескавшийся желтый потолок. Все вокруг было в эти моменты мутным, расплывчатым, тошнотворным. Он знал: если сейчас преодолеть эту неустойчивость, заставить себя выбраться из постели и доползти до кухни, там найдется еще пара глотков пошла, после которых станет легче. И все равно не торопился это сделать, абсолютно равнодушный к тому, что требовало от него собственное тело, до сих пор не желавшее мириться с тем, что сделалось вместилищем выгоревшей дотла души...

– Кончай, Колян, загнется еще...

Его сознания достиг голос охранника, пытавшегося остановить Коляна, только что отвесившего Плетневу очередной пинок, которого тот почти не почувствовал. И ответный смешок этого отморозка:

– Не бойсь, Мишаня, ни х... ему не сделается, они, суки, маньяки эти, живучие, гады!

Но пинать Антона все-таки перестал.

– Брось... – неуверенно проговорил Мишаня. – Менты

вот-вот заявятся, увидят, как ты его... того... Вони не обещься!

– Да они его сами покрасивше моего уделают! – Колян снова ткнул ботинком Плетнева, неподвижно лежавшего на полу в углу тесной комнатенки без окон, куда охранники доставили поверженного Антона волоком. – Они этих маньяков...

– Думаешь, маньяк?.. – В голосе Мишани звучала нотка сомнения.

– А кто ж он, по-твоему?! – с неожиданной злобой рявкнул Колян. Второй охранник ответить ему не успел.

Проклятое слово пробилось наконец в сознание Плетнева и моментально острый, словно бритва, спазм сжал его гортань. Резко крутанувшись на полу, он ухитрился перевернуться на спину, судорожно глотнул воздуха. Оба парня умолкли и замерли от неожиданности. И в образовавшейся тишине где-то за стенами дома послышался далекий вой милицейской сирены.

Должность начальника отделения милиции испокон века считалась среди милицейских не чем иным, как трамплином перед решающим карьерным прыжком и давалась заполучившим ее счастливицам одновременно со следующим по протоколу званием полковника или подполковника. В самом крайнем случае – майора... Далее, в несомненно светлом будущем, просматривалась еще одна руководящая должность в районном УВД, а для особо везучих, с нужными связями,

бери выше: МУР, например, а то, чего доброго, и какой-нибудь департамент МВД... У полковника Виталия Ивановича Никитина все было совсем не так.

На «земельку» он попал, оставив за плечами несколько горячих точек, чтобы благополучно досидеть до пенсии, на которую собирался в следующем году – без особой радости и нетерпения. Так уж сложилось, что ни о каком карьерном росте думать Никитину не приходилось, только о заслуженном отдыхе. Виноват в этом был (и полковник сам понимал это прекрасно) его собственный тяжелый характер. В силу которого он, стоило ему принять пару рюмашек, для кого-то вполне невинных в смысле дозы, испытывал непреодолимую потребность говорить своему начальству «правду в глаза»... Почему-то происходило это с ним всегда на каких-нибудь юбилейных банкетах, на которых упомянутое начальство отмечало очередную круглую дату. И самое обидное, как раз в момент, когда карьера Никитина готова была двинуться с места вперед и вверх... Конечно, после очередного «анти-тоста» никуда она не двигалась. Оставалось лишь удивляться смирению его супруги, давно махнувшей рукой на неуместное правдолюбие мужа и на то, что к своим пятидесяти с хвостиком он добрался хотя бы до нынешнего звания и должности.

Впрочем, несмотря на некоторые завихрения характера, проявлявшиеся не только с начальством, но и с подчиненными, в целом в отделении Никитина любили, зная, что ин-

тересы своих сотрудников он всегда отстаивает, не взирая на лица, в любых инстанциях, если того требуют обстоятельства. А что касается странностей, то у кого, спрашивается, в наше время нет в башке своих тараканов?..

Именно об этом и подумал молоденький лейтенант, дежуривший нынешней ночью и только что завершивший свой утренний доклад о ЧП в детдоме, в кабинете Никитина. Сам Виталий Иванович сидел за столом, слушая лейтенанта, как тот отметил, весьма рассеянно. Казалось, пейзаж за окном интересовал его куда больше, чем поимка маньяка...

Лейтенант завершил свой доклад минуты две назад, а полковник по-прежнему продолжал изучать упомянутый пейзаж, ничем оригинальным не отличавшийся: обыкновенный двор с обыкновенными пятиэтажками и большими розовыми башнями с квартирами улучшенной планировки на втором плане, закрывавшими дальнейший обзор. Пауза затягивалась. Молоденький офицер, начавший свою службу в отделении около месяца назад, переступил с ноги на ногу и негромко кашлянул. Это подействовало: полковник отвел наконец взгляд от окна и посмотрел на него.

– Маньяк, говоришь? – спокойно спросил он. – Напомни-ка мне еще раз его имя...

– При нем обнаружен паспорт на имя Плетнева Антона Владимировича, – начал было тот, но Никитин его вновь прервал:

– И где ж это ты, мой милый, слышал, чтобы маньяки вы-

ходили надело, прихватив с собой документы?..

Лейтенант от неожиданности замолк и уставился на начальника с изумлением. А тот, осуждающе покачав головой, вздохнул:

– Ладно, давай его сюда... Да наручники не забудь снять...  
Надо же, «маньяк»...

– Есть, доставить сюда ма... гражданина Плетнева... – растерянно пробормотал тот и, круто развернувшись, выскочил из кабинета, чувствуя, как лицо покрывается красными пятнами.

Наручники с задержанного он снял все же только перед самой дверью Никитина, подумав, что все-таки странности полковника начали заходить далековато.

Плетнев, впрочем, и не думал никуда бежать. Войдя в сопровождении лейтенанта к начальнику, он сделал несколько шагов вперед и замер посреди кабинета, безвольно ссутулившись и опустив голову. Некоторое время Виталий Иванович пристально разглядывал задержанного, к изумлению лейтенанта, едва ли не сочувственно. Потом вздохнул и хмуро поинтересовался:

– Ну что, опять по ночам не спится?..

Плетнев поднял голову, демонстрируя присутствующим почти полностью заплывший глаз, и коротко подтвердил:

– Не спится.

Никитин, внезапно побагровев, ударил кулаком по столу, и впервые за недолгое время службы в отделении лейтенант

услышал, как его начальник орет:

– Я т-те дам – не спится!.. Сукин ты сын!.. Ты, герой всяческих там войн неопознанных... ты мне до чертиков надоел, понял?!

– Там Васька... – пробормотал задержанный.

– Раньше надо было о Ваське думать!.. – снова рявкнул полковник. И неожиданно мгновенно успокоился, заговорив спокойным тоном, лишенным интонаций: – Ты хоть понимаешь, что я тебя сейчас при желании в одну секунду закрою обратно?.. Ты знаешь, мудила, что сейчас в городе творится?

Плетнев поднял голову и исподлобья вопросительно поглядел на Никитина.

– Детский дом в Мневниках буквально на днях едва не взорвали... Понял, сыч чертов?

Задержанный тяжело сглотнул и промолчал, а полковник снова завелся:

– Я те, Плетнев, помолчу!.. А ну быстро: прямо сейчас говоришь мне, что больше такого не повторится... Не слышу!..

– Больше такого не повторится, товарищ полковник, обещаю...

– То-то... – Никитин переложил с места на место какую-то папку на своем столе и сердито глянул на лейтенанта: – Проводите задержанного на выход, после зайдете ко мне... А ты, Антон Владимирович, легионер хренов, запомни: не дай тебе бог данное слово нарушить, еще раз – и каюк! Можешь хоть с головы до пят своими медалями увешаться – все рав-

но посажу... Я кому сказал – марш отсюда!..

Когда лейтенант, так ни черта и не понявший из разыгравшейся перед ним сцены, выпроводив Плетнева, возвратился и, робко постучавшись в дверь, вновь объявился у полковника в кабинете, Виталий Иванович пребывал за своим столом в той же позе и с тем же сердитым выражением на лице.

– Ты вот что... – Он посмотрел на подчиненного почему-то зло. – Парень этот бывший из наших... Спецназовец. Из таких мест живьем выбирался, какие и чертям в аду не снились... В детдом он рвется потому, что сын у него там... А родительских прав его, видишь ли, по ряду причин наши чинуши лишили.

– Как так? – пролепетал лейтенант. – А жена?..

– Погибла, – коротко отрубил Никитин. – Словом, суть не в этом, он мне уже три раза клялся-божился, что туда ни ногой... Вы тут, молодые-храбрые, у нас недавно, а «старички» наши Плетнева знают, поорать поорут, а вот насчет того чтобы в клетку его запентерить, так этого пока что не было... Ты все понял, лейтенант?

– Так точно, товарищ полковник: чтоб в клетку в следующий раз ни-ни...

– Молодец, соображаешь, следовательно, далеко пойдешь... Все, свободен!

И, дождавшись, когда подчиненный покинул кабинет, полковник еще раз от всей души опустил кулак на столешницу, отчего сразу две трубки на двух его телефонах подпрыг-

нули и жалобно звякнули слаженным дуэтом.

# 1

Получить место в этом абсолютно закрытом госпитале для такой молоденькой медсестры, какой была Лиля Рассадина, – это вполне можно расценивать как чудо... Правда, у Лилиного чуда имелся вполне конкретный автор – ее собственная тетушка, проработавшая здесь четверть века и обожавшая свою племянницу. Ну и что, что работа досталась ей по блату? Лично для Лили это только усложняло существование: девушка испытывала почти постоянную необходимость доказывать прежде всего самой себе, что она лучшая из лучших и очутилась здесь по праву... А вовсе не потому, что за секретность сотрудникам платили немного больше, чем в остальных лечебных учреждениях.

Собственно говоря, секретность сводилась на самом деле к тщательному соблюдению медицинской этики: имена пациентов не подлежали разглашению за стенами госпиталя. Особенно тяжелых больных. И совсем уж «особенно» тех, кто находился в реанимации, которую в числе еще нескольких, куда более опытных, чем она, медсестер и обслуживала Лилия Владимировна Рассадина.

Обо всем этом девушка размышляла чуть ли не ежедневно, по дороге на работу, на очередное дежурство: в их подразделении легких дежурств не существовало, и следовавшие за ними отгулы все сотрудники всегда использовали по

назначению – отсыпаясь после очередных шоковых суток. В данный момент, выспавшаяся и бодрая как никогда, Лиля была вполне готова, как выражался ее отец, «к новым подвигам» и пребывала в прекрасном настроении, вполне соответствовавшем ясному и теплomu июльскому утру.

Терпеливо переждав, пока строгие охранники на проходной в очередной раз просмотрят ее паспорт (одного входного пропуска на территорию, с точки зрения руководства, было мало), Лиля быстро миновала пешеходную дорожку, идущую рядом с подъездной дорогой к главному входу в основной корпус, и спустя пять минут уже оказалась на своем этаже. И сразу же, едва сделав пару шагов в сторону сестринской, поняла: случилось что-то из ряда вон выходящее... В обычно пустых и тихих коридорах этажа то тут, то там мелькали докторские халаты и шапочки медсестер. В сторону первой реанимации, куда всегда клали особо тяжелых и особо важных пациентов, быстрым шагом направлялся сам Курочкин, главврач.

Лилия, торопливо проскользнув в сестринскую, едва ли потратила даже полминуты, чтобы переодеться, хотя до начала ее сегодняшнего дежурства оставалось еще около получаса: девушка сразу взяла себе за правило приходить на работу пораньше, чтобы успеть заполучить у своей предшественницы необходимую для работы информацию. Редкая ночь в их госпитале обходилась без поступления новых больных, порой доставленных сюда на специальном самолете из той

же Чечни... Чаепитие в обществе ночной дежурной, ставшее здесь традиционным завершением «суток» задолго до появления Лили, давало возможность войти в курс того, что успело случиться в ее отсутствие. Но сегодня никакого чаепития явно не предполагалось, сестринская была пуста, а чайник «Тефаль», который девушка успела потрогать уже на ходу, холодным.

– Как хорошо, что ты уже здесь! – Инночка, у которой Лиле и предстояло принять дежурство, едва не сбила Рассадину прямо в дверях. – Я буквально с ног валюсь...

Она и правда почти свалилась на узкую белую кушетку, и Лиля отметила, что впервые за два месяца работы видит всегда ухоженную и тщательно покрашенную медсестру, никак не тянущую на свои тридцать лет, со смазавшейся косметикой и темными кругами под глазами.

– У нас ЧП, мало того что крупная шишка из Генпрокуратуры, так еще и жертва теракта... О взрыве в детдоме слышала?

Лиля ахнула:

– В детдоме?!

– Детка, да ты что?.. По всем каналам передавали, уже почти сутки только об этом и говорят... А-а-а, ты ж наверняка все продрыхла!

Инна устало усмехнулась:

– Я совсем забыла, что сегодняшнее дежурство у тебя вместо Марины, не по графику, второе подряд... Вот подфарти-

ло нашей Марише, как всегда, небось уже валяется на морском песочке пузом кверху... А мы...

Далее она коротко поведала Лиле о том, что случилось в Мневниках, и задумчиво покачала головой:

– Честно говоря, не думаю, что он выживет. Он же был доставлен весь в кровище. Правда, потом выяснили, что это была в основном кровь его товарища, который закрыл его собой. Просто жуть взяла! Но и сам тоже пострадал: масса порезов, ссадин, ужас. Вызывали самого Раппопорта, всю ночь реаниматоры откачивали. Электрошокер, искусственная вентиляция – трудно передать, что было, всего полтора часа назад закончили... Профессор, кстати, спит в ординаторской, отключился буквально через десять минут после того, как вернули, как импульсы пошли.

– А больной, что с ним сейчас и почему ты считаешь, что он...

– Тут и считать нечего, – перебила ее Инна. – Больной в коме, а на моей памяти из виданных мной коматозников был всего один случай, когда человек выбрался... Сказать тебе, сколько их, таких, я здесь видела за десять лет?..

– Ты говорила, он шишка?..

– Ну!.. То ли помощник, то ли заместитель генпрокурора, точно не помню... Во всяком случае, начальство подняло на ноги из-за него всех кого надо и не надо. Хотя лично я про него отродясь не слышала... Погоди, сейчас я тебе скажу, как его зовут, карту, как ты понимаешь, заполняла я... Черт, фа-

милию помню, смешная такая фамилия – Турецкий! А вот имя – хоть убей... Эй, Лиль, ты чего?..

Как ни устала Инна после хлопотной ночи, ее наблюдательность все же притупилась не до такой степени, чтобы не увидеть, как побелела и буквально обмерла на месте молоденькая медсестричка.

Некоторое время медсестры смотрели друг на друга, наконец Рассадина еле слышно переспросила:

– Турецкий?..

– Ты с ним что, знакома?!

Но девушка ее словно не расслышала:

– Если это он, то зовут его Александр Борисович... Инна, вспомни, его имя-отчество Александр Борисович?!

– Да не помню я!.. Вот только этого и не хватало – я имею в виду, если он твой знакомый... или, чего доброго, родственник... тогда тебя точно отстранят от дежурства, а я и так на ногах не стою!

Лиля посмотрела на всполошившуюся медсестру и всеми силами постаралась взять себя в руки, заговорить как можно спокойнее:

– Нет, не родственник и не знакомый, даю тебе честное слово, я его даже ни разу в жизни не видела... Просто слышала...

– И что же ты о нем слышала? – подозрительно прищурилась Инна.

Девушка уже полностью овладела собой и взгляд коллеги

сумела выдержать с невозмутимым выражением лица.

– Слышала, что он очень хороший следователь по особо важным делам, – спокойно сказала Лиля. И так же спокойно добавила: – Что ни разу, никогда по его вине... Нет, не так: благодаря ему никогда в делах, которые он ведет, не страдают невинные люди, даже если все складывается против них.

– Не ведет, а вел... – поправила ее Инна. – Я уже свое мнение высказала: вряд ли этот твой Турецкий выйдет из комы, чудес не бывает!.. Между прочим, Курочкин уже минут пятнадцать пытается объяснить это одному типу из Генпрокуратуры, который сидит тут почти сутки... Представляешь, какова шишка, коли его сюда впустили?

Лиля, если бы она слышала последнюю реплику медсестры, нашла бы, что возразить: даже она, проработавшая в госпитале едва несколько месяцев, давно знала, каким образом несанкционированные посетители, родственники и друзья пациентов проникают изредка на территорию госпиталя, минуя грозную охрану. Но Лиля Инну уже не слушала, думая о своем. И когда та засобиралась наконец домой, попросив девушку начать чуть раньше свое дежурство, Рассадина кивнула ей в ответ чисто автоматически.

Подробности этой истории Лиля Рассадина узнала много позже свалившейся тогда на их семью беды – внезапного ареста отца. Да и кто бы стал посвящать четырнадцатилетнюю девчонку в эти самые подробности? Во всяком случае,

не мать, рыдавшая день и ночь, и не бабка, всю жизнь не любившая зятя и охотно поверившая в его вину.

Кажется, только она, Лиля, любившая отца больше всех на свете, не сомневалась в том, что произошла какая-то ужасная ошибка и вот-вот все разъяснится.

Ее папа, сколько она себя помнила, работал, как выражались все их общие знакомые, в «ящике». Это означало, что завод, на котором Владимир Сергеевич возглавлял огромную химическую лабораторию, засекречен, проще говоря, трудится на оборонку. Кроме того, исследования, которыми занимался отцовский коллектив, были настолько важны, что печально знаменитая конверсия завода не коснулась, обошла стороной.

Что касается случившегося, то, как потом стало известно, началась история, приведшая к папиному аресту, за семь месяцев до этого. Соответствующие органы обнаружили, что в столице и ее окрестностях появился новый наркотик, галлюциноген, превосходящий по своему действию знаменитый ЛСД, но куда более дешевый, а следовательно, доступный в первую очередь подросткам. При этом даже самое незначительное превышение дозы приводило к летальному исходу...

Расследованием занимался поначалу специальный отдел Московского уголовного розыска. Но когда спустя три месяца следы неизвестного ранее наркотика объявились в городах и губерниях, прилегающих к Подмосковию, дело было передано под контроль Генеральной прокуратуры, а след-

ственная группа, в которую вошли также представители МВД и ФСБ, переформирована.

Процесс с этого момента пошел быстрее, а следы в итоге привели на отцовский завод, непосредственно в лабораторию, возглавляемую Рассадиным... Судя по всему, визит туда сотрудников правоохранительных органов неожиданно стал только для Лилиного папы, но никак не для подлинного преступника. Потому что в процессе обыска именно в отцовском сейфе, а затем и в его личном портфеле были обнаружены неопровержимые улики – упаковки той самой наркоты. Владимира Сергеевича, не отрицавшего, что ключ от сейфа имелся только у него одного, арестовали прямо на рабочем месте. Об этом им с матерью сообщил по телефону его потрясенный случившимся заместитель.

Следующие три месяца прошли для Лили в сплошном тумане: автоматически она продолжала ходить в школу, сидеть на уроках и даже получать какие-то оценки. Правда, учителя старались, надо отдать им должное, лишней раз девочку не трогать: весть о том, что ее папа арестован, удивительно быстро стала достоянием гласности...

Она слышала разговоры взрослых о том, что статьи, по которым проходит отец, серьезные, что все улики против него – неопровержимы, что суд – исключительно вопрос не слишком длительного времени. И все-таки продолжала верить в его невиновность, в то, что все разъяснится, и ждать... Она возненавидела в тот период собственную бабуку, чуть ли не

ежедневно выговаривавшую матери злорадным голосом за то, что в свое время та ее не послушалась и вышла замуж за «этого бандита». Однажды Лиля не выдержала и, ворвавшись на кухню, где бабка читала матери очередную нотацию, белая от бешенства, налетела на обалдевшую от неожиданности старуху как коршун, вырвала у нее из рук тарелку, которую та собиралась водрузить на стол, и грохнула ее об пол вместе с супом.

– Еще раз услышу, что ты говоришь гадости о папе, – прошипела Лиля, – придушу... Слышишь? Так и знай!..

Бабка ахнула и заголосила, а девочка выскочила с кухни, изо всех сил хлопнув дверью, и заперлась в своей комнате до самого вечера. Ни к обеду, ни к ужину она тогда не вышла. Когда тьма за окнами сгустилась до чернильно-черной, Лиля включила настольную лампу и пересела из кресла, в котором провела весь день, на свою кровать: сон не шел к ней, хотя время близилось к полуночи.

Из-за соседней стены доносился храп унявшейся и теперь безмятежно дрыхнувшей бабки: мать, видимо, тоже спала, во всяком случае, ничто больше не нарушало глубокую тишину их квартиры. За прошедшие страшные недели слух Лили – так же как и все остальные чувства – обострился, стал чутким, словно у охотничьей собаки. Поэтому, как ни тихо повернулся ключ в замке входной двери в прихожей, которая располагалась далеко от ее комнаты, Лиля услышала знакомый щелчок и, прежде чем что-либо успела сообра-

зить, уже летела сквозь темноту гостиной на звук отцовского ключа, ни секунды не сомневаясь, что это именно он, и никто другой... И была вознаграждена в полной мере за все эти страшные месяцы ожидания, посреди мутного и липкого тумана беды, окутывавшего ее, за свою веру в торжество справедливости и – в него, своего папу, который просто не мог быть, а следовательно, и никогда не был преступником...

Уткнувшись в пропахшую какой-то хлористой вонью одежду Владимира Сергеевича, едва успевшего подхватить вылетевшую на него из глубины темной квартиры дочь, она рыдала горько и отчаянно – впервые за все эти месяцы. Намертво вцепившись в своего папу, который почти что умер, а теперь ожил, как она надеялась и верила вопреки всему!..

А уже утром за столом, где они втроем – Лиля, папа и все еще начинавшая время от времени плакать мама – пили чай, собственноручно заваренный Лилей, переодевшийся, помывшийся и чисто выбритый отец, осунувшийся и исхудавший за время, пока они не виделись, почти до неузнаваемости, сказал:

– Меня спас один-единственный человек, поверивший мне и усомнившийся в работе своих коллег... – Он повернулся к Лиле. – Следователь по особо тяжким преступлениям из Генпрокуратуры, возглавивший расследование три месяца назад... Дочка, я хочу, чтобы ты запомнила его имя: Александр Борисович Турецкий... Он не пожалел времени на то, чтобы начать все сначала, после первого же моего до-

проса, заново проделать работу, которую до него, как считали все, уже была сделана. Запомни его имя, доченька, кто знает, что и когда ждет впереди... Видишь, мы теперь на собственном опыте испытали народную мудрость: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся».

Лиля запомнила. Как и просил папа – на всю жизнь. А иначе и быть не могло: ведь именно он, этот неведомый Александр Борисович Турецкий, вернул ей отца, а вместе с ним постепенно воцарилось в их доме спокойствие, радость, благополучие... То, что испокон века называется семейным счастьем. Он нашел истинного преступника – того самого отцовского заместителя, считавшегося папиным другом и первым сообщившего им об аресте.

## 2

Лиля неожиданно обнаружила, что стоит посреди сестринской одна: она и не заметила, когда ушла Инна. Нахмурившись, девушка решительно вышла из комнаты и зашагала в сторону первой реанимации.

Людей в коридоре стало меньше, жизнь госпиталя постепенно возвращалась в свою обычную колею. Только возле нужной ей двери стояли двое: хмурый Курочкин и бледный пожилой мужчина в темно-синей форме Генпрокуратуры. Определить, в каких он чинах-званиях, Лиля не могла, поскольку в таких вещах не разбиралась совершенно.

– ...Главное – он жив, – услышала она голос Курочкина. – Это уже почти чудо, Константин Дмитриевич... Очень вас прошу: уезжайте, в ближайшие дни вряд ли что-нибудь переменится.

– Я не могу... – пробормотал его собеседник. – Саша... Я отправил его туда сам... Он для меня не просто коллега, поймите, он мой самый близкий друг! А вы даже не хотите четко и ясно пояснить, что с ним... Ведь какой-то диагноз вы в свои бумаги вписываете?..

Лиля замерла, вслушиваясь в их разговор, почти вжавшись в стену, у которой стояла. Курочкин тяжело вздохнул и коротко ответил:

– У Александра Борисовича тяжелая контузия. Кризис

миновал, сейчас он в коме.

– В коме?..

– Поймите, приданной ситуации это, если можно так выразиться, нормально! Я вам больше скажу: вашему другу необыкновенно повезло... Он находился в эпицентре взрыва, и при этом практически ни одного осколочного ранения... Возможно, все дело в том, как считает Раппопорт, что взрывная волна прошла выше и все осколки получил его коллега, – можно только гадать, и не более того... Один случай из миллиона, потому я и говорю о чуде!

На лице собеседника главврача появилось, как отметила Лиля, умоляющее выражение:

– Скажите, Саша... Он будет... жить?..

– Если вы насчет того, выйдет ли он из комы... – Курочкин замялся, а Лиле показалось, что ее и без того частившее сердце сейчас просто-напросто вырвется из груди. – Знаете, честно говоря, на сей счет сказать вам ничего не могу... Теоретически возможно, а вот на практике... Во всяком случае, в своей я такого не помню, извините...

Доктор круто развернулся и зашагал в сторону своего кабинета, не заметив Лилю, мимо которой прошел. Девушка тяжело сглотнула и вздрогнула от неожиданно раздавшейся телефонной трели, особенно неуместной в тишине коридора. Она посмотрела в сторону реанимации, откуда та прозвучала, и увидела, как человек, которого главврач называл Константином Дмитриевичем, тоже вздрогнув, достал из

внутреннего кармана своего мундира мобильный телефон.

– Меркулов на связи, – глухо произнес он голосом, лишенным интонаций. И, послушав где-то с полминуты, нахмурился. – Да, Катя, я вас помню, вы звонили мне вчера... Саша жив, но он в коме... Вы ведь, кажется, врач?... Тогда и сами все понимаете... У меня к вам только одна просьба: ни слова Ирине, ни в коем случае, сделайте все, чтобы она ему не звонила, Ирина Генриховна не должна знать... Что?!

Лиля видела, как побелел еще больше Меркулов, как опустился на узкий диванчик, возле которого стоял, словно у него подогнулись ноги, слушая свою собеседницу.

Потом, тяжело сглотнув, заговорил снова:

– Как получилось, что она узнала?... Катя, насчет ребенка... это точно?... – Он снова помолчал. – Убил бы этих телевизионщиков... Какого дьявола в роддоме оказался вообще телевизор?! Ну да... да... Катя, вы должны убедить ее, Саша действительно жив, говорят, это настоящее чудо, но он жив!.. Должна поверить! Вы же ее подруга, найдите такие слова, чтобы поверила, назовите, в конце концов, госпиталь, может, это ее убедит... Да, я пока здесь... Не знаю сколько, – пока смогу, буду сидеть... Конечно, звоните!

Он отключил связь и тяжело откинулся на спину, привалившись к стене, а Лиля наконец сдвинулась с места.

– Константин Дмитриевич? – Она нерешительно подошла к Меркулову, оказывается прикрывшему глаза. Он вздрогнул и, обнаружив возле себя женщину в белом халате, взгля-

нул на нее испуганно:

– Что... Что-то с Сашей?!

– Нет-нет, я всего лишь медсестра, буду возле него сегодня дежурить... Я просто хотела сказать: вот увидите, мы его из этой проклятой комы вытащим! Я... Я от него не отойду, пока не вытащим, вот увидите...

На лице Меркулова мелькнула тень удивления:

– Спасибо, милая... Как вас зовут?..

– Лиля... Я... Александр Борисович шесть лет назад спас моего отца от тюрьмы, от страшного обвинения... Я была еще совсем девчонкой, но все помню... Я даю вам слово, что не отойду от него ни на секунду!.. А Ирина Генриховна – она ему кто?

– Жена... – Меркулов пристально посмотрел на девушку и, немного поколебавшись, решился: – У нее тоже беда... Понимаете, она сейчас находится в больнице, то есть в роддоме... Должен был родиться ребенок, только теперь уже не родится... Ирина услышала по телевизору о взрыве, а там брякнули, что Саша тоже погиб. Словом, ребенка она потеряла...

– Убила бы этих журналист! – Лиля непроизвольно сжала кулачки. – Да их судить надо!..

Меркулов вздохнул и махнул рукой:

– Без толку, Лилечка... Отмажутя, как всегда... Плохо то, что Ирина Генриховна никому не верит, что Саша жив, даже своей близкой подруге...

Дверь реанимации в этот момент приоткрылась, и оба они – и Меркулов, и Лиля – вздрогнули: в образовавшейся щели показалось красное и сердитое лицо старшей медсестры. На Константина Дмитриевича она не обратила внимания.

– Ты уже здесь? – резко поинтересовалась Клавдия Петровна. – Стоишь лясы точишь?! А ну-ка за работу... Инна что, уже ушла?

– Ушла, – смущенно пробормотала девушка. И, бросив на Меркулова последний взгляд, покорно шагнула к дверям первой реанимации.

Они оба лгали ей... Лгали!.. И Екатерина, которой она так доверяла, и Зоскин... Боже, как же она устала от лжи, которой была, казалось, пропитана вся ее жизнь... Как он может быть жив, если по телевизору ясно и четко было сказано о гибели обоих?.. А тот бредовый звонок на грани бытия и небытия ей просто почудился, пригрезился – не было никакого звонка! Теперь она даже не помнит, мужским или женским был голос... Господи, почему все они не оставят ее в покое?!

Ирина ощутила горячую и душную волну ненависти, внезапно всей своей бетонной тяжестью придавившую ее к кровати. Это не была ненависть к кому-то конкретному, нет... Скорее всего – к тому чудовищу, представлявшемуся ей почему-то сейчас в виде омерзительного серого спрута, который именуется государственной машиной... Государственной машиной, убившей Шурика... Но ведь он сам – сам, так

охотно, почти радостно скользил все эти годы в ее отверстую пасть, служил ей, забывая о собственной жене, дочери, будущем ребенке... Как, как она скажет теперь их дочери, что у нее нет больше отца, нет и обещанной маленькой сестрички или братика и не будет уже никогда?..

– Иришка, – она не заметила, когда Катя успела войти в палату, – я тебя прошу, выслушай меня спокойно: клянусь тебе здоровьем моей матери, твой Саша жив! Понимаешь? Жив! Эти телевизионные суки передали непроверенные сведения, ты же знаешь, им главное – опередить коллег, сообщить первыми об очередном ЧП... Ну почему ты мне не веришь?!

Катя устало опустилась на край Ириной постели в ногах у подруги.

– Ну как мне тебя убедить? – В ее голосе послышалось отчаяние. – Если это поможет тебе прочистить мозги, я назову тебе адрес госпиталя, где он сейчас находится! Завтра Зоскин разрешит тебе встать, позвонишь туда – убедишься сама.

Ирина Генриховна насмешливо посмотрела на подругу:

– У меня, между прочим, есть мобильник, отчего же позвонить я могу только завтра?

– Оттого, что Саша сейчас жив и дышит, но без сознания! Его реанимировали всю ночь... Самый лучший реаниматолог Москвы! Ну сама подумай, какой смысл мне врать?

– Действительно... – Ирина посмотрела на подругу еще

внимательнее и только тут отметила почти синюшную бледность Кати, темные круги под глазами... – Ты не спишь из-за меня уже вторые сутки, верно?

– Неважно... – пробормотала та.

– Иди приляг... Все равно караулить меня смысла больше нет... Иди!

Катя хотела было что-то возразить, но, судя по всему, чувствовала она себя и впрямь отвратительно, потому что, поколебавшись, кивнула:

– Ладно... Только дай слово... если почувствуешь себя хуже... Немедленно разбудишь! Я в коридоре на диванчик прилягу.

– Договорились, – кивнула Ирина Генриховна. – Так, говоришь, Шурик в госпитале?

– Конечно! – Катя назвала госпиталь, известный на всю страну, и, успокоенно поглядев на подругу, кивнула: – Дошло наконец, что никто тебя не обманывает?... Пожалуй, немного вздремнуть мне действительно не мешает... Будь умницей!

Некоторое время Ирина Генриховна Турецкая лежала без движения, бездумно глядя в потолок, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. Несколько минут спустя она, видимо сочтя их вполне удовлетворительными, для того чтобы реализовать пришедшую в голову идею, для начала осторожно села на постели. Немного выждав, решительно выскользнула из-под одеяла и, сделав несколько шагов, замер-

ла посреди палаты. Голова кружилась. Но куда меньше, чем ожидала даже она сама... Ирина огляделась. Ее взгляд задержался на сиротливо висевшем в углу цветастом больничном халате: что ж... выбирать, судя по всему, не приходилось!

Накинув на себя это чудо дизайна явно еще советских времен, она осторожно приоткрыла дверь и выглянула наружу. Как и ожидалось, Катя крепко спала, свернувшись клубочком на коротком диванчике – том самом, на котором провел столько ночей ее Шурик... Как только он умудрялся на нем уместаться!

Ирина перевела взгляд на Катины босоножки, аккуратной стоявшие под диванчиком, и, воровато оглядев пустой коридор, слегка улыбнулась: хорошо, что у них с Екатериной один размер обуви! Халат халатом, но сбегать отсюда в больничных шлепанцах на пять размеров больше ее ноги, пожалуй, затруднительно!

Спустя десять минут, миновав с самым безразличным видом пост дежурной медсестры, она уже торопливо шла по саду, но не в сторону проходной, а в сторону калитки, которая – это знали все пациенты и их родственники – никогда не запиралась.

А дальше? Дальше Ирине Генриховне Турецкой повезло два раза подряд. Первый, когда она почти сразу же поймала машину, собиравшуюся как раз в эту минуту покинуть стоянку, и, честно предупредив какого-то толстого и, как выяснилось, еще и доброго мужика, что денег у нее нет, попро-

сила отвезти ее в госпиталь. Мужик почти не колебался: у него самого, как он рассказал Ирине по дороге, тут лежала жена, к которой он приезжал. Сейчас же возвращался к себе на работу, а названный ею госпиталь, как заверил толстяк, был ему по пути.

– А вы что же... того?.. – Он покосился на Ирин наряд, не решившись произнести слово «сбежали».

– Скорее, возвращаюсь, – солгала Ирина, сама удивившись легкости, с которой это сделала. – Пока там не обнаружили мое отсутствие. А здесь у меня подруга лежит, в тяжелом состоянии, очень близкая... Кроме меня, ее некому проведать!

Возможно, у этого добряка и возникли какие-то сомнения в ее версии, поскольку в ответ он вздохнул, но дверцу машины все-таки перед ней распахнул. Однако делиться сомнениями вслух с Ириной не стал. А возможно, ему просто-напросто остро требовался собеседник. Даже, скорее, слушатель. Потому что всю дорогу до госпиталя он рассказывал Ирине, как они с женой всю жизнь хотели детей и как ни разу задуманное у них не получилось, и вот теперь последняя надежда...

Второй раз Ирине Генриховне повезло уже в самом госпитале, точнее, на его проходной. Охранник, принявший ее за здешнюю больную, каким-то образом, вопреки всем запретам, улизнувшую с территории (на это она и рассчитывала, обряжаясь в больничный халат), строго отчитал Ири-

ну за нарушение дисциплины и непослушание, пригрозив, если еще раз подобное повторится, пожаловаться главврачу, но главное – впустил «беглянку», предварительно уточнив, из какого она корпуса.

– Хирургия... – пробормотала Ирина, старательно отводя глаза. И, очутившись наконец в просторном госпитальном дворе, со всех ног бросилась к ближайшему зданию по дорожке-аллее, укрытой от солнечных лучей громадными, густыми липами. Когда-то Ирина Генриховна была здесь вместе с Шуриком у его раненного «при исполнении» коллеги и помнила, что именно в этом корпусе на третьем этаже располагается хирургическое отделение. К тому моменту как она вышла из лифта и устремилась вперед по длинному пустому коридору, усиленно разглядывая на ходу двери и пытаясь вычислить, где тут реанимационная палата, о собственном самочувствии Ирина не только не думала, она просто-напросто позабыла о нем.

Где же все-таки эта самая реанимация, где?.. Она, кажется, достигла конца коридора, и теперь впереди была только глухая стена с точно таким же, как и в роддоме, стоявшим у нее диванчиком. Слева широкая застекленная, но замазанная изнутри белой краской дверь. Ирина растерялась: куда дальше?.. Кажется, позади, в коридоре, был какой-то поворот, может быть, зря она его проскочила?

В этот момент стеклянная дверь приоткрылась и из нее аккуратно выскользнула белокурая и, как показалось Ирине,

очень молодая девушка в белом халатике, с озабоченным, почти сердитым лицом. Увидев Ирину Генриховну, девчушка вздрогнула, а потом замерла на месте, уставившись на незваную гостью большими синими глазами, в которых ментально вспыхнула настороженность.

– Вы... Что вы здесь делаете? – Она спросила об этом очень тихо, почти шепотом.

– Я ищу мужа, – выдохнула Ирина. – Турецкий... Александр Борисович... Это правда, что он... жив?..

Ей показалось, что глаза молоденькой сестрички сделались еще больше, теперь в них читалось уже изумление, девушка смотрела на нее молча, и Ирина едва не выкрикнула:

– Скажите мне правду!

– Он жив, жив, – поспешно ответила та, продолжая смотреть на Ирину Генриховну с изумлением. – Он пока в коме, но жив... Господи, как же вы к нам попали?!

Казалось, медсестра только тут заметила, во что была одета ее собеседница, которая, услышав последние слова Лили, без сил опустилась на диванчик.

– Нет, да что же это такое? – Старшая операционная сестра, все еще находившаяся в реанимационной, вылетела оттуда, оттолкнув Рассадину с дороги. – Я спрашиваю: что это такое?! У нас тут что, проходной двор или новый режим ввели?!

Лицо Клавдии Петровны сделалось багровым от возмущения. Она повернулась к Ирине Генриховне и, грозно уперев

руки в бока, поинтересовалась:

– Вы с какого этажа, больная? И кто вам позволил сюда войти?

– Я не с этажа, – выдохнула Ирина. – Я жена Турецкого, пустите меня к нему!..

– Что-о?.. – Перед такой наглостью даже Клавдия Петровна потеряла дар речи. Правда, ненадолго. – И думать не смейте!.. Не знаю, как вы сюда проникли, да еще... в таком виде, только в реанимационную, да еще первую, никто, кроме докторов и сестер, входить не имеет права!.. А ты чего стоишь ушами хлопаешь? – Она повернулась к замершей на месте и тоже красной как кумач Лиле, которая старшую медсестру боялась, как школьница строгую учительницу. – Я тебя, кажется, за медикаментами послала, а не лясы точить!

– Да, сейчас, Клавдия Петровна, – пискнула та и, бросив сочувственный взгляд на Ирину, торопливо зашагал по коридору.

– Не смейте на меня кричать! – Тон, каким это произнесла жена пребывавшего в коме безнадежного больного, заставил старшую медсестру снова потерять дар речи. – И запомните: пока я не увижу Шурика, никуда отсюда не уйду!..

...– Ты, Слава, только время потеряешь, даже если тебе действительно выдадут пропуск, – вздохнул Константин Дмитриевич Меркулов и отвел глаза от посеревшего, осунувшегося лица генерала Грязнова. – Саша без сознания, они это комой называют, войти к нему даже на секунду нереаль-

но. К тому же там сегодня какая-то мегера дежурит...

– Что они говорят? – глухо спросил Вячеслав Иванович.

– Ничего определенного...

Оба ближайших друга Турецкого – заместитель Генерального прокурора России и заместитель главы Первого департамента МВД генерал Грязнов, только что потерявший своего единственного племянника, а по сути, почти сына, Дениса Грязнова, погибшего при взрыве, – стояли возле госпиталя посреди пыльной, раскалившейся под жарким июльским солнцем улицы.

Некоторое время оба молчали. Паузу нарушил Меркулов.

– Я пробуду тут еще пару часов, – сказал он. – Потом...

Потом заеду в прокуратуру, хочу сам допросить этого гада Муштаева, брата девчонки-террористки... Собственноручно душонку из него вытрясу!

Вячеслав Иванович ничего не ответил. На его лице не отразилось никаких чувств. Бросив последний взгляд на проходную, преодолеть которую ему не удалось, несмотря на удостоверение, он все так же молча повернулся и, забыв попрощаться с Константином Дмитриевичем, медленно побрел к ожидавшей его машине.

– Слава... – нерешительно окликнул его Меркулов. Тот на секунду притормозил и обернулся. – Я заеду к тебе завтра, прямо с утра.

Грязнов кивнул и продолжил свой путь, так и не проронив ни слова. Да и какие тут слова?.. Они столько лет знали друг

друга, столько лет работали вместе рука об руку, что обоим хватало и общих мыслей вместо слов...

Константин Дмитриевич вздохнул и отправился обратно, в очередной раз предъявив на проходной свой пропуск и с безразличием дождавшись, пока охранник сверит его фамилию со списком.

Погруженный в свои мысли, Меркулов, войдя в вестибюль, не сразу услышал свое имя, уже дважды произнесенное взволнованным женским голосом где-то за его спиной. Наконец до Меркулова дошло, что окликают именно его, и он, нахмурившись, резко обернулся. После чего изумленно замер на месте, обнаружив, что за ним бежит растрепанная женщина в белом халате и явно врачебной шапочке, но при этом почему-то босая.

– Константин Дмитриевич, подождите!.. – Женщина дышала тяжело, судя по всему, неслась она за ним едва ли не от самой проходной. – Констант... Ой, господи, вы меня, конечно, не помните, я Катя, Ирина подруга... Катя!

– Д-да?.. – Меркулов по-прежнему не понимал сути происходящего.

– Да!.. Ирка... Иринка сбежала...

– Как – сбежала? – Он мгновенно напрягся. – Куда?..

– Сюда! Стащила мои туфли и сбежала, конечно, сюда, больше некуда! Где она?!

– Н-не знаю... Я ее не видел, представить не могу... Только этого не хватало!

– Где эта самая реанимация, в которой Турецкий? Катя наконец отдышалась.

– Пойдемте... Это лифтом надо, на третьем этаже. Но Ирина не могла сюда пройти, ее бы ни за что не пропустили, понимаете? Славу Грязнова и то... А вы-то как прошли?

– На раз-два! – резко ответила Екатерина. – Знать надо: в каждой больнице есть забор, а в заборе дыра, и ее перекрывает доска, которая отодвигается, или пролом...

– Пролом?.. – Меркулов даже остановился на секунду, удивленный столь простым вариантом, который лично ему и в голову бы не пришел.

– Ну да... Достаточно присмотреться, в какую сторону тянутся посетители, родственники пациентов с пакетами, и пойти следом – и вы у дыры... Господи, да пойдемте же!.. Ой, вот она!..

Как раз в этот момент они, выйдя из лифта, повернули в основной коридор и оба одновременно ахнули, увидев сидевшую неподвижно на диванчике Ирину Генриховну. И Катя, опережая окончательно растерявшегося Меркулова, со всех ног бросилась к подруге. При этом совершенно не обращая внимания на молоденькую медсестру, пытавшуюся вручить Ирине стакан с какой-то жидкостью.

– Иришка, ну что ты опять устроила?! – Екатерина отодвинула в сторону сестру вместе с ее стаканом и, неожиданно опустившись на колени прямо на пол возле Ирины Генриховны, обняла ее ноги. – Дурочка... Совсем о себе не ду-

маешь!..

Константин Дмитриевич сглотнул образовавшийся в горле ком и двинулся по направлению к женщинам, по дороге ласково обняв медсестру:

– Вас ведь, кажется, Лилей зовут?.. Идите, Лилечка, мы сами с ней поговорим...

Девушка послушно исчезла, а Меркулов, подойдя к диванчику, тяжело опустился рядом с Ириной. Та подняла голову и посмотрела на него взглядом, в котором смешалось все: презрение, ненависть, отчаяние, злость... Все, кроме симпатии, с которой всегда относилась к другу мужа.

– Что, Костя?.. – Голос ее слегка звенел от сдерживаемых чувств. – Ну давай начинай...

– Что начинать? – пробормотал он, отводя глаза.

– А то, что и всегда: очередную ложь, благодаря которой, благодаря целой цепи которых Шурик теперь здесь! – Она кивнула на дверь реанимации.

– Ириш, ну зачем ты так?..

– А ты – зачем?.. А вы – зачем?.. И Шурик – он тоже: лгал, лгал, лгал... А в итоге я – я сама вслед за тобой отправила его в этот проклятый детдом... Сама!..

– Ирка, уймись! – Катя произнесла это совсем другим, лишенным сочувствия тоном и, резко поднявшись на ноги, тоже села на диван по другую сторону от молчавшего Меркулова. – Константин Дмитриевич здесь, к твоему сведению, вторые сутки торчит без сна и отдыха, не нужно с ним так

разговаривать!

Ирина Генриховна растерянно посмотрела на подругу, потом на собственные руки, в которых крепко сжимала ту самую пушистую сову, которую ей оставил перед поездкой в детдом Шурик. И жалобно спросила:

– Почему меня к нему не пускают?

– Пустят обязательно! – поспешно произнес Меркулов. – Конечно, пустят... Только немного позднее, ты же понимаешь, Ирина, что врачам виднее, что ему сейчас полезно, а что нет...

Ирина Генриховна внезапно горько усмехнулась и покачала головой:

– Вы все... разговариваете со мной, словно я сумасшедшая... Но что может быть нормальнее, чем жене находиться возле мужа, когда ему так плохо, что?.. Разве я могу нанести ему вред?!

– Ириш, – нерешительно произнес Меркулов, – я попробую завтра договориться с главврачом, даю тебе слово... А сейчас будь умницей, тебе нужно отдохнуть! Не хочешь в больницу, я тебя домой отвезу...

Ирина Генриховна посмотрела на него почти с жалостью:

– Ты, Костя, не понимаешь... Я никуда отсюда не уеду! Пока не увижу Шурика – никуда.

Вышедшая в этот момент из реанимации старшая медсестра, разумеется, и Иринины слова услышала, и что народа в коридоре стало еще больше, тоже увидела. Однако от

комментариев на сей раз сочла за благо воздержаться. Злофыркнув, она с независимым видом двинулась в сторону ординаторской.

И сразу же вслед за этим из-за двери реанимационной палаты выглянула раскрасневшаяся Лиля. Воровато посмотрев вслед начальнице, она окликнула Ирину:

– Ирина Генриховна... Быстрее сюда... Клавдии не будет десять минут минимум... Она лекарства пошла раскладывать для уколов, всегда сама это делает, нам не доверяет...

Но Ирина была уже рядом с девушкой, и на глазах изумленно переглянувшихся Кати и Меркулова обе они скрылись за плотно закрывшейся дверью реанимации...

В первое мгновение она его не узнала. Человек, с головы до пят забинтованный, словно мумия, – ее Шурик?.. Не может этого быть. Спустя секунду, взглядевшись в восковое, неестественно желтое лицо, выглядывающее из белоснежных бинтов, поняла: он... Только цвет лица не его и черты заострились, словно... словно...

– Шурик, – негромко окликнула она, пристально глядя на плотно смеженные веки мужа. – Турецкий, это я... Здравствуй!..

Она немного помолчала, отвела взгляд от мужа, поглядела на собственные руки со все еще зажатой в них игрушкой.

– Ах да... Я же тебе эту твою сову принесла, она тебе сейчас нужнее, чем мне! Когда проснешься, увидишь... Посмеешься, наверное. Скажешь что-нибудь такое, как всегда, за-

бавное, и я тоже посмеюсь вместе с тобой – совсем как раньше, да?..

За спиной Ирины подозрительно шмыгнула носом медсестра, но жена Турецкого этого даже не заметила. Нахмурившись и умолкнув всего на секунду, продолжила:

– А может, ты, Турецкий, просто так устал за все эти годы, что решил наконец взять да и выспаться как следует? А?.. Ох, о чем это я? – Она снова помолчала. – Давай-ка я тебе лучше расскажу, что происходит за окнами, пока ты дрыхнешь!.. Сегодня жуткая жара, а до этого, позавчера кажется... нет, вчера ночью, был дождь. Настоящий ливень. Целая стена воды. Потом он кончился, и к утру остались только лужи. Я лежала и слушала, как по ним проезжают машины: если закрыть глаза, похоже на шелест волн на пляже... Турецкий, ты помнишь, когда мы последний раз были на море?.. Ты еще так смешно ходил по гальке, босиком... А потом поранил ногу и жутко ругался! Помнишь?.. Конечно, помнишь... Правда, было это жутко давно... Вот проснешься, и мы с тобой опять туда поедем... Только не вздумай, как всегда, мне пообещать и обмануть!..

Лиля, беззвучно стоявшая в углу реанимационной, осторожно вытерла влажные глаза: от слез у нее все вокруг начало двоиться и плыть, и даже показалось, что Александр Борисович шевельнул пальцами руки. Девушка сморгнула вновь наворачнувшуюся на глаза слезинку и посмотрела на часы: Клавдия вернется с минуты на минуту, и тогда... Тогда

ее, скорее всего, уволят...

Наверное, жена Турецкого тоже обладала чувством времени, потому что прерывисто вздохнула:

– А теперь, Шурик, мне уже пора... Ты хоть снись мне, Турецкий, пока, что ли... Пожалуйста... – И внезапно этой удивительной женщине, как решила Лиля, выдержка все-таки отказала. Потому что, прежде чем выскочить из реанимационной, она все-таки закричала – на своего все равно ничего не слышавшего и не чувствующего мужа: – Очнись же ты, эгоист чертов!.. Слышишь?! И думать не моги меня бросать, и не надейся, врун несчастный!..

Спустя секунду Ирина уже рыдала в объятиях Меркулова, крепко прижавшего к себе жену друга и самого едва сдерживающего отчаяние.

Самой твердой и мужественной оказалась Екатерина.

– Все! – Она решительно взяла Ирину Генриховну за локоть. – Добилась своего? Добилась! А теперь – в больницу! Иначе в следующий раз тебя и на порог не пустят... Что случилось, девушка?..

Последнее относилось к Лиле Рассадиной, внезапно вылетевшей следом за Ириной из реанимации.

– Он... Там... – Девушка явно не находила слов.

– Что с ним?!

Ирина Генриховна моментально вырвалась из объятий Меркулова и, побелев, уставилась на Лилю.

– Он смо... смотрит!..

В следующую секунду все трое, позабыв обо всех запретах, ворвались в реанимацию. И первое, что увидели, – широко открытые глаза Александра Борисовича Турецкого, вполне осмысленно уставившиеся на их компанию...

– Что здесь происходит?! Вы что, совсем оборзе... Лиля!

Старшая медсестра выглядела так же неотвратно и грозно, как статуя Командора, но на молоденькую нахалку Рассадину, получившую работу по блату, никакого впечатления это не произвело. Более того, неприлично взвизгнув, она кинулась на шею этой психопатке, супруге коматозного больного, и до ее начальницы, уже в который раз за этот сумасшедший день онемевшей от негодования, не сразу дошел смысл того, что девчонка выкрикивала:

– Он очнулся, очнулся!.. Александр Борисович очнулся, вышел из комы! Вы поняли? Вышел!..

### 3

Оперативный сотрудник Первого департамента МВД Галля Романова всхлипнула и, отвернувшись, уткнула опухшее от слез лицо в плечо своего коллеги, старшего опера того же департамента, как и она, непосредственного подчиненного генерала Грязнова – Владимира Яковлева.

У Галочки не хватило сил дальше смотреть на застывшую поодаль, возле свежего могильного холмика, скрытого множеством венков и живых цветов, фигуру генерала, не только ее шефа, но и крестного, на глазах которого нынешняя капитан Романова выросла... Володя Яковлев, неестественно бледный, с окаменевшим лицом, автоматически прижал к себе девушку. На Вячеслава Ивановича он, в отличие от нее, смотрел не отрываясь, ожидая момента, когда будет уместно подойти к нему и увести отсюда...

День похорон Грязнова-младшего выдался жарким, солнечным, и Ваганьковское кладбище напоминало сейчас куда больше парк, предназначенный для прогулок горожан, чем место упокоения. Горькая церемония завершилась более получаса назад, огромная толпа присутствующих на ней постепенно рассеялась. Помимо Вячеслава Ивановича, замершего у могилы с металлическим крестом, возвышающимся почти наполовину из горы венков и цветов, чуть позади Грязнова-старшего молча стояла еще одна группа людей – осиро-

тевшие с гибелью их владельца и руководителя сотрудники ЧОПа «Глория».

– Ребята... – всхлипнула Галя, поднимая зареванное лицо на Володю. – Они... Они, когда прощались с Дениской... Я слышала, как они клялись отомстить за него...

– Я слышал, – коротко ответил Яковлев и вновь прижал к себе девушку.

Ему показалось, что момент, когда можно подойти к Вячеславу Ивановичу, наступил, но сделать этого он не успел, его опередили.

От группы подчиненных и очень давних товарищей Дениса отделился человек, даже в этот тяжелый, трагический момент выделявшийся среди толпы своим каким-то по-особому ухоженным, элегантным видом, вопреки всему не вызывавшим ни у кого из стоявших вокруг свежей могилы ни осуждения, ни подозрений в неуместности. Алексей Петрович Кротов относился к тому редчайшему типу мужчин, которым элегантность не просто присуща от рождения, но является неотъемлемым качеством их натуры, составляющей той самой глубокой и подлинной интеллигентности, проявляющейся не менее чем в третьем-четвертом поколении потомков людей, как говаривали когда-то, голубой крови...

Яковлев слышал, что за плечами Кротова несколько поколений блестящих офицеров-дворян, преданно, с честью служивших в свое время государству Российскому в лице самого государя... Алексей Петрович не был сотрудником «Гло-

рии», однако по мере необходимости и по первому зову Дениса оказывался рядом, участвовал во многих расследованиях ЧОПа, когда они касались сфер, в которые рядовому сотруднику, мягко говоря, доступа не было. Да что там рядовому! Речь в таких случаях всегда шла о ситуациях, в которых даже Генпрокуратура оказывалась ограниченной в своих возможностях... Никто и никогда не говорил вслух о том, где именно числится на службе Кротов. Но лично Володя ни секунды не сомневался в том, Алексей Петрович давно и прочно связан с ГРУ.

Между тем Кротов, подойдя к Грязнову, коснулся его локтя.

– Пойдем, Вячеслав Иванович, – произнес он тихо и твердо. – Пора...

Грязнов-старший едва заметно шевельнулся и, с трудом отведя взгляд от могилы Дениса, медленно повернулся к Алексею Петровичу.

– Пойдем, – повторил тот.

Вячеслав Иванович беззвучно шевельнул пересохшими, побелевшими губами и лишь спустя несколько секунд заговорил – глухо и хрипло:

– Я сам... Собственными руками послал Диньку туда... Своими руками – в могилу...

В глазах генерала была такая почти нечеловеческая мука, что любой человек на месте Кротова не выдержал бы этого взгляда отчаяния и скорби. Но Алексей Петрович глаз своих

не отвел, напротив, теперь он смотрел на сраженного горем Вячеслава Ивановича еще тверже и сосредоточеннее:

– Это ложная мысль, выбрось ее из головы: от судьбы, какой бы жестокой и несправедливой она ни была, уйти никому из нас пока не удавалось!.. Пойдем к ребятам, они ждут тебя, хотят кое-что сказать. И Юра Гордеев там...

Возможно, имя адвоката Юрия Петровича Гордеева, близкого друга Дениса, тоже часто помогавшего «Глории» в ее самых сложных расследованиях, подействовало на генерала. Вячеслав Иванович вздрогнул и вновь отвернулся к могиле... Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы прочитать в этот момент его мысли... Юрий и Денис родились не только в одном году, но и в одном месяце...

– Возьми себя в руки, Вячеслав Иванович, – произнес нахмурившийся Кротов. – Ребята, все Денискины ребята, дали клятву найти подонков, стоящих за взрывом, и расквитаться с ними так, как решат сами...

Грязнов вновь повернулся и посмотрел Алексею Петровичу в глаза.

– Я знаю, – сказал он, тяжело сглотнув застрявший в гортани ком. – Я хочу, Алексей, чтобы «Глорию» и, само собой, следствие по... по Диньке и Сане Турецкому возглавил ты. Именно ты!..

– Нет. – Услышав это, генерал вновь застыл на месте. – Ты в курсе почему... Но и я из тех, кто давал клятву!

Впервые за долгие годы их общения Алексей Петрович

Кротов вслух и практически прямо заговорил о своей скрытой от посторонних глаз службе. И Вячеслав Иванович, несмотря на всю тяжесть горя, сумел это оценить. Молчание длилось совсем недолго, и нарушил его Кротов, почувствовавший, что Грязнов его понял верно.

– Думаю, «Глорию» и следствие, которому сейчас будут отданы все их силы и время, должен возглавить Головач... Всеволод Михайлович Голованов...

– Сева? – Генерал сосредоточенно нахмурился. Он и сам высоко ценил этого бывшего майора-«афганца», появившегося в «Глории» много лет назад вместе со своими друзьями, тоже бывшими «афганцами», Володей Демидовым, Филей Агеевым и Колей Щербаком, а сейчас именно эта четверка давно уже была подлинным ядром ЧОПа. Но прежде Вячеславу Ивановичу как-то не приходило в голову, что Кротов знает этих ребят куда лучше, чем может показаться на первый взгляд, несмотря на то что генерал помнил: в Афгане они служили как разведчики, на самом тяжелом и опасном участке той страшной войны, их группа получила тогда у врагов особое прозвище – «Русские волки», и за голову каждого душманы обещали огромное вознаграждение... А разведка – это и есть ГРУ...

– Да, – кивнул между тем Кротов. – Поверь мне, Вячеслав Иванович, Головач справится. Что касается меня, я буду рядом. До тех пор пока подонки не будут пойманы.

– Я тебе верю, – пробормотал Грязнов. И, ссутулившись,

повернулся наконец к молча толпившимся поодаль от могилы сыщикам.

– Подожди... – на секунду придержал его Кротов. – Вот еще что... Официальное следствие, которое возбудит или уже возбудил Меркулов, на этот раз помощи от нас не увидит... Я имею в виду, так решили ребята, а не я. Они не могут простить органам не сам факт того, что случилось, а что звонку Дениса не поверили и не выехали туда сразу. Среагируй они вовремя, все могло сложиться иначе, так что прекрати себя винить, Вячеслав Иванович, есть и без тебя виновные, причем реальные!

– Костя Меркулов тут ни при чем, – с горечью бросил генерал. – Он тоже человек подчиненный...

– Костя – человек системы, к которой у ребят вполне закономерные претензии, – мягко возразил Кротов.

– Так ведь и ты человек системы...

– Конечно, – кивнул Алексей Петрович. – Разница в том, что система другая... Вот теперь пойдём к ребятам!

Последнего замечания Алексея Петровича Грязнов не понял, но сил на обдумывание не было. Совсем не было. И он, опустив голову и еще больше ссутулившись, покорно двинулся рядом с Кротовым к ожидавшим его чоповцам.

– Пойдем, Галинка, – вздохнул Володя Яковлев, слегка отстраняя от себя все еще всхлипывающую Романову. – Думаю, ему сейчас действительно будет лучше с ними... Кротов всегда знает, что делает... Поехали ко мне, помянем Де-

ниску сами, не будем им мешать... Мать с отцом ждут нас и стол, наверное, уже накрыли.

– Владимир Михайлович здесь был, я его видела. – Галочка удивленно посмотрела на Володю. – Разве он уехал?

– Был, конечно, – кивнул Володя. – Отец с Вячеславом Ивановичем, считай, целый век вместе проработали... Еще в МУРе начинали. – Кстати, ты, если хочешь, поезжай в «Глорию», все-таки ты ж не просто сотрудница Вячеслава Ивановича.

– Нет, я с тобой, – мотнула головой Галочка, – я там реветь буду как дура, ни за что не удержусь, а дядя Слава и так... Ох господи, неужели это все правда?!

Она снова разрыдалась, а Володя обнял девушку, понимая, что никаких слов, способных ее утешить сейчас, просто-напросто нет.

– Галя, Володя! – Они и не заметили осунувшегося, бледного Гордеева, подошедшего к ним. – Пойдемте, я вас подвезу... Поминать Диньку собрались на Неглинной<sup>1</sup>... Поехали, твой отец, Володя, кстати, уже там...

– Я не знал... – пробормотал Яковлев. – Кто-то еще из муровцев будет?

Юрий Петрович мрачно покачал головой:

– Нет... «Глория» начинает свое расследование, ничего общего с правоохранительными органами, во всяком случае на данный момент, иметь не собирается...

---

<sup>1</sup> Офис ЧОПа «Глория» находится на Неглинной улице.

Галя удивленно посмотрела на адвоката:

– Как – не собирается?.. Но... Но ведь и Меркулову, и дяде Славе может потребоваться их помощь! Они же не откажут?!

– Откажут, – мрачно бросил Гордеев. – Я имею в виду, Меркулову откажут точно. А Вячеслав Иванович с ними... Я понимаю, Галина Михайловна, почему вы об этом спросили. Но ответить, будут ли с вами и с Володей сотрудничать ребята, не могу. Просто не знаю... Так поехали? Пора...

Адвокат, если учесть его давнюю дружбу с погибшим Денисом, держался, возможно, и из последних сил, но держался хорошо. Володя с уважением глянул на Гордеева и решительно взял Галочку Романову под руку:

– Пойдем, Галка.

– Куда?..

– Ты же слышала, на Неглинную... Придется взять себя в руки и лишний раз не травить Вячеславу Ивановичу душу своими слезами... Поняла?

Капитан Романова поняла. Бросив последний взгляд на могилу Дениса Грязнова, она прерывисто всхлипнула и крепко вцепилась в руку Володи Яковлева.

...Люди, собравшиеся несколькими часами позже в кабинете заместителя Генерального прокурора России Константина Дмитриевича Меркулова, вели себя не просто тихо, но почти беззвучно. По крайней мере, двоим из них – срочно отозванному из командировки Володе Поремскому и темпераментному, не отличавшемуся почтительным отношени-

ем к дисциплине Валерию Померанцеву – это было несвойственно. Но сейчас оба «важняка», успевшие побывать на похоронах Грязнова-младшего выглядели непривычно молчаливыми и хмурыми. На общем фоне относительно спокойным и почти безмятежным казался только третий следователь, один из помощников Меркулова, Дмитрий Колокатов. Оно и понятно: ни с погибшим, ни с Турецким особо тесных отношений у него никогда не было.

– Начнем, – коротко бросил Константин Дмитриевич, обводя глазами лица присутствующих. – Для начала я хочу вас на самом деле обрадовать...

Несколько пар глаз буквально впились в Меркулова.

– Да... – Он слабо улыбнулся. – Именно это я и хотел сказать: произошло, по словам врачей, то, что они называют чудом: Александр Борисович вышел из комы!..

Померанцев и Поремский, как и предполагал Константин Дмитриевич, вскочили со своих мест и заговорили одновременно, однако Меркулов пыл их остудил сразу:

– Тихо-тихо... Ваши вопросы мне понятны, а праздновать окончательную победу пока рано...

– Что вы имеете в виду?! – с тревогой воскликнул Валерий.

– Турецкий целиком и полностью осознает действительность, но прогнозы докторов, мягко говоря, неутешительны...

– Это вы о чем? – поинтересовался во вновь установив-

шейся тишине Колокатов.

– Сулят, по крайней мере на данный момент, неподвижность... Ходить он, по их словам, не сможет...

– Не верю... – пробормотал Померанцев. – Они еще не знают нашего Сан Борисыча... Не верю – и все!

Меркулов с горечью посмотрел на Валерия и покачал головой:

– В любом случае это инвалидность...

– Н-да... – Кол окатов вздохнул. – Вот она – жизнь... Верно говорят – от судьбы...

– А не пошел бы ты на... со своей судьбой?! – взорвался внезапно умолкнувший после пояснений Меркулова Поремский и бросил на коллегу взгляд, вполне способный прожечь в оппоненте дырку.

– Но-но, господа!.. – Константин Дмитриевич сдвинул брови и постучал по столу карандашом, который вертел в пальцах. – Прошу вас не забываться... Володя, в чем дело?

– Извините, – буркнул Поремский. – Скажите, а к нему пускают?

– Пока что не советую в этом смысле испытывать судьбу: там Ирина Генриховна почти круглые сутки, охраняет не хуже Цербера, особенно от сотрудников Генпрокуратуры. Я скажу, когда визиты будут разрешены врачами, а сейчас давайте к делу.

Он бросил быстрый взгляд на стоявший в дальнем углу журнальный столик с лежавшим на нем объемистым и тща-

тельно упакованным в целлофан пакетом. Затем продолжил:

– Значит, так: в связи со всеми известными вам обстоятельствами Генпрокуратурой будет возбуждено два уголовных дела... Первое из них – исчезновение и дальнейшая гибель пятнадцатилетней Эммы Скудоумовой, по заявлению ее дяди. Скудоумова Леонида Юрьевича, бизнесмена из Казани... Дело должен был возбудить Саша Турецкий, но не успел... Кто-нибудь из вас знает о нем?

– Я, – мрачно отозвался Померанцев. – Сан Борисыч мне рассказывал по телефону, правда без деталей... Девочка исчезла из психушки, попала в которую после внезапной гибели родителей. Дядюшка вроде бы находился в отъезде за рубежом...

– Да, – кивнул Меркулов, – все верно: вернувшись, узнал о гибели брата и его семьи, поехал в Москву за племянницей, а она пропала... Затем позвонила ему с просьбой не искать ее, а буквально через пару дней труп девочки был обнаружен на Горьковской трассе... Забирай, Валерий, займешься делом Скудоумовой сам. Предыстория девочки – почти точная копия того, что на данный момент нам удалось узнать о погибшей террористке... Но для объединения дел оснований пока нет...

Константин Дмитриевич пододвинул Померанцеву через стол тоненькую рабочую папку.

– Здесь заявление ее дяди. Прежде всего, как только напишешь постановление о возбуждении, встретишься с ним...

Словом, не мне тебя учить. Теперь с тобой, Поремский... Точнее – с тобой и с Димой.

При этих словах Володя Поремский слегка поморщился, косо глянув на Колокатова, с которым, как он понял, ему предстояло работать в одной упряжке. Спустя секунду Меркулов его предположение подтвердил:

– Значит, так... Дело о гибели Дениса и покушении на жизнь Саши вести будете вдвоем. Постановление я, как руководитель следственной бригады, уже написал... Оперативников нам на этот раз, причем по обоим делам, дают коллеги из ФСБ... Кое-какая информация, интересующая нас, ими собрана: в частности, как я уже упоминал, взорвавшая себя террористка Майя Игоревна Колычева – одна из тех девочек, исчезновение которых из психоневрологических стационаров обнаружено оперативниками ФСБ в связи с первым делом в процессе проверки этих лечебных учреждений... Опознана по фотографии и сотрудниками больницы, и девочками из детдома в Мневниках, успевшими, как выяснилось, с ней пообщаться...

– Володя, – Меркулов повернулся к Поремскому, – ты первым делом съездишь в эту лечебницу... Из бумаг следует, что выписана она тем же временно работавшим у них психиатром, что и остальные четыре найденные девчонки... Да, пока обнаружено их четверо... После чего не только Майя, но и сам психиатр бесследно исчезли... Кстати, у погибшей как раз родственники-то и имеются: отец и мачеха, а в пси-

хушку она попала после самоубийства ее матери и с подачи как раз папеньки: подозреваю, там имела место крупная взятка...

– Теперь ты, Дима, – Меркулов повернулся к Колокотову, – заберешь все вещдоки и экспертное заключение по ним, – он кивнул на журнальный столик с пакетом. – Изучи внимательно то, что понаписали эксперты, съезди к Саше в больницу, как только позволят лекари, и свяжись с операми из ФСБ, – словом, работаем по обычной схеме... Что касается оперативников, ты, Валерий, надеюсь, понял, что с ними тебе тоже необходимо пообщаться в первую очередь?

– Разрешите вопрос, Константин Дмитриевич? – мрачно бросил Померанцев. И, не дожидаясь реакции Меркулова, задал его: – Мы что, не можем по собственной инициативе привлечь даже оперов из МВД?

– Я этого не говорил, – пожал тот плечами.

– Тогда почему здесь нет ни Гали, ни Володи?..

– Думаю, они сейчас на поминках, – вздохнул Константин Дмитриевич. – Но прежде чем их привлекать, мне необходимо поговорить с коллегами из ФСБ...

Померанцев и Поремский невольно переглянулись: оба подумали об одном и том же... Никогда в жизни Александр Борисович Турецкий не произнес бы ничего подобного! Он бы добивался – и добился! – чтобы вся оперативно-следственная группа формировалась по его, и только его, усмотрению как руководителя!..

– Ну вот... – Валерий нагнал Владимира в коридоре, едва они покинули кабинет Меркулова. – Кончилась нормальная жизнь... А, браток?

– Тебе пока что полегче, – вздохнул Поремский, – а мне еще и на пару с этим хмырем работать... Терпеть его не могу!

– Зато наш Димочка Меркулову нравится! – ядовито ухмыльнулся Валерий. – Ты не находишь, что у Константина Дмитриевича чутье на людей притупляется?

– Возможно... А вот такого чутья, как у Сан Борисыча, вообще ни у кого нет... – Володя покачал головой. – Но, может, мы с тобой судим пристрастно: говорят, Димка пока что ни одного дела не завалил, профи, говорят, неплохой. А мы с тобой, не исключено, просто-напросто завидуем его успешному продвижению по служебной лестнице!

– Я не помню его дел, чтобы судить о его профессиональных качествах. И вообще, он, по-моему, больше спец по административной линии.

– Терпеть не могу карьеристов его пошиба! – мотнул головой Померанцев. – К тому же он дешевый франт... Тоже терпеть не могу!..

– С чего ты взял, что он франт? – удивился Поремский. – Насколько знаю, он из мундира не вылезает!

– Ага... Только я его один раз в ресторане засек, и не где-нибудь, а в «Савое»!

– А сам-то что там делал?

– Сам я по работе там был, по одному делу мэтра ихнего за шкирку тряс! – обиженно пояснил Валерий. – А Димыч восседал за столиком, и не каким-нибудь, а на двоих, и еще с рыжей девицей. Видел бы ты его прикид!

– И что за прикид? – поинтересовался Поремский голосом заправского сплетника.

– Ха!.. Костюм в полосочку, рубашка с рюшечками и «бабочка» с блестками!.. Говорю, тот еще видок... – Он поглядел на покотившегося от смеха Поремского, видимо живо представившего Колокатова с его круглой, простецкой физиономией в подобном костюмчике, и тоже улыбнулся. – Ты абсолютно прав: если бы мне не было противно тогда на него смотреть, я и сам бы только поржал!

– А что там было?

– В общем-то ничего особенного... – Валерий пожал плечами. – Но с официантом разговаривал так, словно тот раб с его личной плантации, я случайно краем уха услышал... Пижон, короче!

– Может, перед девкой выпендривался?

– Выпендриваться там было уже не перед кем: девица была в лохмотья пьяная, рыгала ему чуть ли не в рожу...

– Красивая хоть?

– Не в моем вкусе: рыжая, веснушки, хотя прикид на пару тыщ «зеленых» тянет...

Они достигли кабинета Володи Поремского и вошли туда вдвоем, прикрыв за собой двери.

– Слушай, – поинтересовался Померанцев, – я так и не успел тебя спросить насчет Коксанской командировки... Успел ты там разобраться?

– Пожалуй, да... – Володя вздохнул и присел на край стола. – Как ни грустно, однако генпрокурор, довольно-таки противный и явно не святой тип, оказался прав... Кстати, забыл спросить у Меркулова, кому мне теперь это дело сбавить!

– Не думаю, что сбавить получится, разве что мне возвратят... Так что там конкретно?

– Откат, – коротко пояснил Поремский, а Валерий нахмурился. – Знаешь, что это такое?

– Ну знаю, конечно. Но у них-то откуда?

– Ты садись, поясню на конкретном примере!

– Валяй!

Следователи расположились возле стола, и Поремский приступил к своим пояснениям:

– Да очень просто: в Коксанске, как в большинстве таких городов, половина жилого фонда – ветхое жилье...

– Я в курсе, – кивнул Померанцев.

– А на это, как ты понимаешь, средства выделяет Федерация.

– Росгосстрой, – снова кивнул Валерий. – Так что, ты полагаешь, дальнейшее расследование придется проводить непосредственно в столице нашей Родины.

– Вот видишь, ты оказывается, сам умный! – рассмеялся

Володя. – Все понял?

– Нет, еще не все, дуй дальше...

– Средства-то выделяются, но при этом господа чиновники в частных разговорах с мэром и его замом по строительству ставят интересенькие условия: денежки мы вам конечно же переведем. Но десять процентов будьте любезны вернуть на счета фирмочек, которые мы вам дадим, за что и вам отстегнется некая сумма...

Валерий присвистнул:

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Недурственно... Фирмочки, разумеется, подставные!

– Разумеется! – кивнул Поремский. – Ну а остатки, как ты понимаешь, после отчисления этих десяти процентов уже не те, что была сама сумма! То бишь на все – и на снос ветхого фонда, и на постройку новых домов для граждан – их не хватит. А посему возникают еще фирмы-подрядчики, между прочим, вполне реальные, перед которыми ставится трудновыполнимая задача: ветхий фонд подремонтировать, а не сносить, пару домов для отвода глаз и впрямь построить, причем обойтись примерно двумя третями требуемой на это суммы. А за подряд тех, кто вам эту «радость» организовал, еще и отблагодарить, мол, не мешает!.. Короче, коксанские подрядчики, получившие упомянутый «подарок» от властей, воют от напряжения, остаются практически в убытке и, конечно, химичат со стройматериалами, чтобы вовсе не

вылететь в трубу: по ведомостям материалы проходят куда дороже, чем в реальности, а само качество продукта – ты понимаешь! Вот эту цепочку и заловил нелюбимый тобой горпрокурор!

– Я не понимаю только одного: эти десять процентов от суммы... Если чутье мне не изменяет, ведь для наших московских акул это гроши!

– Конечно! – согласился Поремский. – Если не учитывать, что откат – схема долгоиграющая, а не одноразовая: мы там с одним типом из горпрокуратуры, ушлым таким счетоводом, откопали по меньшей мере один несомненный факт: за последние три года на счета московских подставных фирмочек «уехало» восемь миллионов «зелени»... А? Как тебе?

– Жить можно, – ухмыльнулся Померанцев. – Ну а мэр что же, замазан наряду с этими?

– Во всяком случае, чиновники, по чьей вине сперли деньги, к слову сказать находящиеся в данный момент под арестом, показывают в первую очередь на него.

Следователи некоторое время помолчали, после чего Померанцев с грустью поглядел в окно на ярко синеющее и даже на вид жаркое небо и все-таки задал риторический вопрос, который вертелся в головах обоих, несмотря на то что он не имел отношения к теме их разговора:

– Слушай, Володь, а ты-то веришь, что Сан Борисыч... Ну... я имею в виду... не встанет... Отойдет отдел... Вообще?

– Нет! – жестко произнес Поремский. – И не сомневаюсь, что ты тоже в такое не веришь! Вот погоди, как только к нему начнут пускать, руководить следствием реально будет он!

– Ты что, серьезно? – скруглил брови Валерий.

– Не знаю, как ты, но я при первой же возможности введу его в курс дела, даже если ФСБ наложит на него все свои грифы секретности!..

– Ты на минуточку соображаешь, о чем говоришь? – покачал головой Померанцев. – Человек еще полностью из комы не вышел.

– А я тебе другое скажу: вот увидишь, не пройдет и недели, как он сам позвонит! Наш Сан Борисыч живучий!

– Ага... Ты бы еще сказал «живее всех живых», как Ленин... И не смотри на меня так!.. Я первый от счастья потолок башкой пробью, если ты окажешься прав! Только у меня невеста – врач, причем врач хороший, она говорит, что...

– Знать не хочу, что она там тебе говорит! – перебил Поремский. – А врачам я, даже самым лучшим, вообще не верю!

– Почему? – поинтересовался Валерий.

– Потому, что они не учитывают в своих прогнозах и диагнозах самого главного: силы духа! Ты хоть знаешь, каков процент выхода человека из комы?..

– А ты откуда знаешь?

– У меня тоже есть с кем консультироваться, – заверил его Володя. – Так вот, процент выхода из комы впавшего в это

состояние человека минимальный, даже не процент, а полпроцента. Поэтому и Константину Дмитриевичу доктора там про чудо лепят. А все дальнейшее Турецкий доделает сам. Не без помощи своей Ирины!.. Вот это женщина так женщина! Я от нее просто в восторге.

– Только учти, что на взаимность по части восторгов можешь заранее не рассчитывать: говорят, она самого Меркулова там под орех разделала и выгнала из больницы, к чертовой матери, предупредив, чтобы никто из наших туда носа не совал...

– Знаю! Но она женщина, а значит, в итоге все равно отойдет, перестанет злиться... А вот что касается ребят из «Глории» – тут куда хуже...

Насчет «Глории» Валерий и вовсе ничего не знал. О том, что они в чем-то обвиняли правоохранительные органы в целом и Генпрокуратуру в частности, он слышал краем уха и не поверил: слишком много пудов соли было съедено с чоповцами во время совместных расследований!

– Не поверил ты напрасно, – возразил ему Владимир. – Дениска свой единственный звонок сделал Меркулову, а в итоге спецназовцы, да и сам он, появились там с опозданием...

– При чем тут Константин Дмитриевич? Ты что, сомневаешься, что все, что в его силах, он сделал?

– Я не сомневаюсь. Но Денискиным товарищам ты это не втолкуешь никогда... Лучше бы Динька тогда им позво-

нил... Но, видимо, так сложилась ситуация, что звонить надо было представителям официальных органов... Не знаю, показаний свидетелей я, как ты понимаешь, еще не читал. Как бы там ни было, но в сухом остатке у нас малоприятная ситуация: я почти уверен, что «Глория», кто бы ее после Дениса ни возглавил, начнет собственное расследование, до которого нас с тобой не допустят.

Валерий немного подумал над словами Поремского и не согласился с ним:

– Не думаю, что ты прав. Ты с кладбища уехал в числе первых, а я еще какое-то время там пробыл. И видел, как Денисовы ребята разговаривали с Вячеславом Ивановичем... Там были кроме них и Кротов, и Юра Гордеев... Потом они уехали все вместе, прихватив с собой Яковлева и Романову: то ли на двух, то ли на трех машинах. Надо полагать, Первый департамент в стороне от следствия тоже не останется, верно? Вячеслав Иванович вряд ли это допустит!

– Не забывай, – напомнил Валерию Поремский, – что самому Вячеславу Ивановичу вести это следствие точно не дадут: все знают, что они с Дениской отнюдь не однофамильцы, а близкие родственники! А по закону это не положено...

– Зато Романова с Яковлевым – люди якобы посторонние, а значит, вполне объективные – все по тому же, как ты выразился, закону – и никаких оснований отстранять их от следствия нет! А они в департаменте лучшие!.. Короче, я не сомневаюсь в том, что «Глория» будет работать с ними, а зна-

чит, и с нами. Иного и представить нельзя, Вячеслав Иванович все сделает для того, чтобы они негласно сотрудничали, как это было всегда, когда возникала необходимость.

– Мне бы твою уверенность, – буркнул Володя Поремский, с сомнением поглядев на Валерия.

– Вот увидишь, прав буду я!

Валерию Померанцеву действительно и в голову не приходило, до какой степени он на этот раз заблуждается: он искренне не понимал всей глубины возмущения, сплотившего в тот момент обезглавленный ЧОП, всей силы стремления боевых товарищей погибшего Дениса ответить за его гибель. Даже в том случае, если их действия будут в итоге расценены законом как самосуд...

## 4

Петру Щеткину, майору милиции, большую часть жизни прослужившему в уютной и относительно спокойной Коломне, а ныне переведенному в МУР, Москва и теперь не нравилась – как не нравилась она ему в далекие студенческие годы, когда они с Сашей Турецким учились в одной группе, на одном курсе крупнейшего столичного вуза. Именно в те далекие годы будущий майор милиции получил забавную кличку – Сэр Генри, между прочим, как раз с подачи Турецкого.

В общем, маленькая и неторопливая Коломна была куда больше по сердцу спокойному и вдумчивому Щеткину, чем этот мегаполис с его неизбывной суетой, бензиновыми выхлопами вместо нормального воздуха и не поддающимися измерению расстояниями от точки А до точки Б. С расстояниями, на взгляд Петра Ильича, в Москве вообще была какая-то мистика: вот дом, который тебе нужен, кажется, до него рукой подать. А начинаешь шагать в заданном направлении, и оказывается, что он куда дальше, чем думал, и трастишь на продвижение к цели вместо прикинутых пяти минут хорошо, если десять... Точно мистика!

Ничего, однако, не поделаешь: в МУР он попал как лучший следователь Коломенского утра, не заваливший за все годы ни единого расследования, и, будучи человеком служивым, а следовательно, глубоко уважавшим дисциплину, от-

правился в столицу беззвучно. Но помимо множества достоинств, главным образом профессиональных, у Петра Щеткина имелся один существенный недостаток, вроде бы и не имевший прямого отношения к профессии сыщика: он не был дипломатом. И его правда-матка, скорее всего, и была причиной того, что он до сих пор носил майорские погоны.

Сейчас, стоя возле приемной Константина Дмитриевича Меркулова, расположенной в самом конце длинного коридора, Сэр Генри не только не жалел об этом, но, скорее, был рад: узнай он в своей Коломне о взорвавшей себя юной террористке, о том, что при этом пострадал Саня Турецкий, которого Щеткин и сейчас считал своим близким другом, майор прилетел бы в Москву без всяких способствующих этому обстоятельств – даже если б для этого пришлось вовсе уйти в отставку. Разве мог он остаться в стороне, когда речь идет о жизни Турецкого?..

Генерал Грязнов, потерявший во время взрыва единственного племянника, наслышанный в свое время от Александра Борисовича о Сэре Генри, включил майора в следственно-оперативную бригаду без малейших сомнений и колебаний. Но прежде чем самому включиться в официальное расследование, Щеткину необходимо было представиться руководителю бригады – Константину Дмитриевичу Меркулову. А вот с этим-то как раз и была напряженка...

Петр Ильич прекрасно понимал ситуацию: во-первых, бригада и без него наверняка неплохо укомплектована, в том

числе сотрудниками ФСБ. Во-вторых, поскольку взрыв московский и по протоколу участие МУРа неизбежно, его появление будет воспринято как формальность: серьезных сыщиков тут и так хватает. В-третьих, легко представить, сколько дел одновременно свалилось на голову Меркулова, так что удивляться тому, что возле приемной майор милиции толчется уже не меньше часа, а вызовом в кабинет по-прежнему и не пахнет, не приходится! На глазах Сэра Генри за означенное время в кабинете Константина Дмитриевича побывало никак не менее дюжины человек.

Майор вздохнул и решил еще раз прогуляться по коридору – на этот раз вполне целенаправленно: совсем недавно, когда из кабинета Меркулова вывалилось сразу несколько человек, пробывших там около получаса, ему показалось, что среди них мелькнуло знакомое лицо: еще один бывший сокурсник, Димка Колокатов. С ним Сэр Генри, правда, не виделся с момента выпуска, так что мог и ошибиться, как-никак годиков прошло немало...

Стоило, однако, майору двинуться в сторону двери, за которой тот скрылся, как за его спиной хлопнула другая дверь: та самая, заветная! И, резко повернувшись, Щеткин с облегчением вздохнул – в зоне его видимости появился сам Константин Дмитриевич со стопкой папок в руках и отсутствующим выражением на лице... Неважно!.. Главное – вот он! Петр Ильич решительно преградил заместителю генпрокурора дорогу:

– Здравствуйте! – И, увидев, как вздрогнул от неожиданности Меркулов, тут же смутился: – Извините... Но дело в том, что я Щеткин...

– Что?.. – Константин Дмитриевич глядел на него с искренним недоумением. – Какой Щеткин?

– Майор Щеткин из МУРа. Было назначено, вам звонили...

– Ах да!.. – Меркулов тяжело вздохнул и, немного поколебавшись, повернул назад к своему кабинету, на ходу бросив не самым приветливым голосом то ли «войдите», то ли «проходите».

Что ж... Другого Петр Ильич и не ожидал и прекрасно понимал, что сейчас его воспринимают как человека в данных обстоятельствах лишнего и непременно постараются отшить...

– Присаживайтесь, – буркнул Константин Дмитриевич, возвращаясь обратно за стол, заваленный бумагами. И добавил совершенно неискренним голосом: – Слушаю вас очень внимательно!

Петр Ильич Щеткин из неловких ситуаций всегда выкарабкивался с немалым трудом, поскольку дипломат он был, прямо скажем, никакой. Вот и сейчас...

– Я... – Он закашлялся и смешался окончательно. – Как бы... Словом, я хотел бы каким-то образом поспособствовать в деле о взрыве в детском доме... Вячеслав Иванович включил меня в это дело и... так сказать, благословил... и я хотел

бы поподробнее...

– Генерал Грязнов включил вас в бригаду?! – Теперь на лице Меркулова уже читалось не желание немедленно отделаться от посетителя, а искреннее изумление. – Он мне об этом ничего не сказал... Странно.

Они немного помолчали, разглядывая друг друга. Наконец Константин Дмитриевич слегка пожал плечами:

– Что ж, товарищ майор, если нам понадобится помощь вашего ведомства, мы обязательно к вам обратимся...

В ответ щеки Петра Ильича начали медленно, но верно наливаться румянцем. Последнюю фразу Меркулова и тупой бы расценил однозначно, переведя на доступный пониманию язык как просьбу проваливать ко всем чертям и не путаться под ногами у серьезных людей. Однако майор отлично знал: прояви он сейчас это самое «понимание», к материалам следствия его не допустят никогда, ни за что и ни под каким видом... А посему с некоторым усилием все-таки взял себя в руки.

– И все-таки я бы очень хотел ознакомиться с делом... У нас слишком мало материалов, а соображений и вопросов, наоборот, много... Хотелось бы обсудить, поделиться...

– Что ж... – Меркулов обреченно вздохнул. – Делитесь... Только, если можно, сжато... Меня генеральный ожидает, так что...

– Во-первых, – почти перебил его посетитель, – девчонка, которая устроила этот взрыв в детском доме, наверняка име-

ла сообщника. Я посмотрел наши материалы: от момента, когда Саша, эта самая Майя и Денис Грязнов выбросились из окна детдома, и до момента взрыва прошло около трех минут... Денис как раз успел добежать до Сани и оттащить его, иначе погибли бы оба. Но он – Денис, я имею в виду – это сделал, значит, видел, что девчонка в тот момент была неопасна, иначе обезвредил бы поначалу взрывное устройство...

– Погодите-ка! – Константин Дмитриевич вновь смотрел на Щеткина с удивлением. – Вы что же, знакомы с Турецким?

– Мы однокурсники по юрфаку, были друзьями... Я вообще-то Сэр Генри, если он рассказывал... Да, так я вот о чем: взрыв произошел не оттого, что она соединила контакты! Где-то рядом находился ее сообщник с дистанционкой, – скорее всего, в машине на парковке... Там большая парковка рядом, я ездил, посмотрел: спрятаться на ней проще простого... Когда он увидел, как все трое вылетели из окна, и понял, что операция провалилась, нажал кнопку. Скорее всего, с мобильного телефона...

Меркулов внезапно усмехнулся и откинулся на спинку стула:

– Ну и ну... Вот так Щеткин... Сэр Генри, значит?

– А что, я что-то не так сказал? – растерялся тот.

– Как раз все так, – продолжая улыбаться, заверил его Константин Дмитриевич. – Наши эксперты обнаружили

неподалеку от тела девушки фрагменты радиовзрывателя...

– Я из МУРа! – растерянно брякнул Щеткин, среагировав наконец на вопрос Меркулова, чем окончательно развеселил заместителя генпрокурора.

– Ну я уже понял, что из МУРа! Давно там?

– Два месяца, – честно признался Щеткин.

– Отлично... А до этого где?

– В Коломенском РУВД...

– Это у Паныпина, что ли?

– Нет, я имел в виду Коломну, город...

– Понятно... А что ж ты за столько-то лет всего лишь до майора добрался?.. В твоём возрасте у нас уже в полковничьих погонах шастают...

На этот вопрос Щеткин, вновь начавший краснеть, предпочел отмолчаться: ну не рассказывать же прямо в момент знакомства, да еще и помощнику Генерального прокурора России, за что и почему его, Сэра Генри, не сильно любило коломенское начальство?.. Скажешь правду: мол, за принципиальность, за то, что взяточников среди коллег пару раз за руку хватал, – получится, хвастаешь... Лучше уж промолчать!

– Ну ладно, – кивнул Меркулов, – бывает... Продолжай, что там у тебя еще?

– Вопросов у меня больше нет, – серьезно ответил Щетка. – Только вот не пойму я никак: почему сразу никто не приехал и район не оцепили?

Меркулов нахмурился и посерьезнел:

– Потому, что не поверили звонку! Перезвонили в детдом, спросили, что у них происходит, а там ответили: все, мол, в порядке, концерт идет... И охрана то же самое сказала... События, как ты понимаешь, разворачивались не в канцелярии и не на входе, а в актовом зале... Потом, когда выяснили, что есть в Лефортове такой человек – Петр Муштаев, выехали... Как понимаешь, доехать не успели, рвануло...

– Этот Муштаев за что сидит?

– За бандитизм. Связь с террористами отрицает, проверяем сейчас по всем статьям, но одно уже ясно: девушке этой он не только не брат, вообще не родственник.

– Константин Дмитриевич, – попросил осмелевший к концу разговора Сэр Генри, – можно мне и правда посмотреть материалы дела и вещдоки?.. Ну и показания свидетелей почитать бы... Понимаете, странная получается история!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.